

Место, где находился Чун Цзэ, окутал густой туман: пыль и дым взметнулись в небо, наглухо перекрыв обзор окружающим.

Попал?

Нет, ещё нет!

Сымин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не раздумывая, он переложил кисть судьи в левую руку, одним резким движением запястья развернулся и нанёс удар назад.

— Уже три приёма.

Спокойный, лишённый лишних эмоций голос Чун Цзэ донёлся сверху.

У Сымина мурашки побежали по коже, он машинально поднял голову.

И увидел лишь руку.

Руку, от которой невозможно было увернуться или сбежать, руку, при виде которой всё его тело задрожало, а воля к сопротивлению исчезла без следа.

— Эй, эй, эй, старший, куда же вы?

— Старший, победитель ещё не определён...

Пыль ещё не осела, а несколько студентов, даже не оглядываясь, поспешно удалились.

Победитель уже ясен. Этот Чун Цзэ намного сильнее, чем они могли себе представить. Его уровень мастерства запределен, боюсь, даже наставники академии вряд ли смогли бы его укротить. У такого человека действительно есть право претендовать на господство в этой школе!

Однако они ни за что не признают поражение так просто. Как-никак, будучи старшими, они имеют свои преимущества!

Когда пыль рассеялась, зрители увидели на арене одинокую фигуру — это был Чун Цзэ.

— Это... поддельное оружие?

— Нет, не оно.

— Это... истинная форма Сымина, трёхфутовая кисть судьи...

Взгляды, которые теперь бросали на Чун Цзэ, сильно изменились, в глазах людей зажёгся необычайный фанатизм.

И снова один приём!

После этого удара Сымин, создавший имитацию оружия, как и Цзы Янь, был выбит из сил и вынужден вернуться в форму оружия, чтобы защититься.

Цзы Янь сжала кулаки так, что чуть не прокусила губу до крови! Если раньше она считала слова брата преувеличением, то теперь не сомневалась ни на миг. Чун Цзэ настолько могуществен, что ему вовсе не место в этой академии, да и академия ничему не сможет его

научить!

— Разглядела? Вот он — настоящий Чун Цзэ, — насмешливо произнёс Цзы Чжэнь. Ему даже не нужно было смотреть на стоявшую рядом Цзюэр, чтобы понять, насколько она побледнела.

Ноги Цзюэр подкосились, она едва не опустилась на колени.

Чун Цзэ наклонился, поднял трёхфутовую кисть судьи, взмахнул запястьем, собираясь что-то написать, но в итоге так и не опустил её на поверхность.

Столько лет он не держал кисть в руках, и кто знает, правильно ли он её держит?

Новость о поражении Сымина вновь всколыхнула всю академию.

Только после этого случая имя Чун Цзэ по-настоящему прогремело во всех уголках учебного заведения — не из-за его красоты, а благодаря его уровню культивации.

Цзы Янь не знала, что думают следующие претенденты, но то, что Сымин, будучи даже более послушным, чем она, стоял за спиной Чун Цзэ и ждал указаний, сильно её удручало.

Старший Сымин — фигура уровня властителя третьего курса, он всегда так трепетно относился к своей репутации, почему же теперь он проявляет такую покорность? Характеры оружия из Великого Мира Уша общепризнанно скверные. То, что она сама сохраняла спокойствие, было лишь заслугой её великой цели — разоблачить шпиона в их мире. Но чего добивается Сымин? Неужели он мыслит так же, как она?

Пользуясь моментом, когда Чун Цзэ снова уснул, Цзы Янь не удержалась и нашла Сымина, осторожно пытаясь вывести его мысли.

— Проиграл — уступи, я обещал выполнять его приказы, значит, должен держать слово, — без колебаний ответил Сымин. — Даже простые смертные знают, что слово дороже золота, разве я могу нарушить обещание?

...Чуть не забыла, Сымин ведь из школы Конфуция.

Цзы Янь вмиг подавила порыв рассказать ему, что Чун Цзэ, скорее всего, шпион. Сымин человек упрямый, она не могла знать, что у него на уме. К тому же, клан Кисти, Туши, Бумаги и Чернильницы был когда-то подавлен объединёнными силами восемнадцати семей, и неизвестно, на чьей стороне они сейчас.

Видя разочарованное лицо Цзы Янь, Сымин лишь легко и беззаботно улыбнулся.

Он догадывался, зачем она пришла — вероятно, считала, что он не должен был так легко сдаваться. Но Сымин прекрасно понимал: он не просто признал поражение, он был побеждён морально. Когда на него опустилась та рука, Сымин на мгновение решил, что сейчас расстанется с жизнью!

Но он выжил, и ранения были пустяковыми.

Очевидно, в последний момент Чун Цзэ сдержал силу.

Сымин отличался от Цзы Янь. Люди из восемнадцати семей после определения начального уровня выбирались для обучения, и Цзы Янь была именно такой. Её опыт можно назвать «ортодоксальным» для Великого Мира Уша. А вот Сымин — нет. Кисть, Тушь, Бумага и Чернильница звучат красиво, но в Великом Мире Уша они не считались чем-то выдающимся, скорее, были в слабой позиции. Если бы не последующий подъём школы Конфуция, возможно, их род до сих пор не имел бы веса.

Даже при всём этом, ресурсы, доступные Сымину с детства, были скудными.

Внешне он казался преданным идеалам конфуцианства, но в глубине души был бунтарём. Все его долгие годы притворства были лишь способом однажды ярко блеснуть, чтобы избежать давления со стороны восемнадцати семей. Сымин всегда считал, что ничем не хуже любого из них, даже те, кого называли прямыми наследниками или кто занимал высокие места в рейтинге боевой мощи, никогда не вызывали у него уважения. Он пробовал свои силы и предполагал, что может сражаться на равных со вторым номером рейтинга, а отставание от первого было вызвано лишь огромной разницей в их изначальных телах оружия.

Но Чун Цзэ заставил его ощутить непреодолимую пропасть.

Он словно песчинка, взирающая на всё небо, — ничтожно мал.

Сымин доверял своей интуиции. Вспоминая слова Чун Цзэ, он всё больше убеждался, что того ждёт великое будущее. Что касается вероятности того, что Чун Цзэ — лишь чьё-то личное оружие, Сымин тоже думал об этом, но решил рискнуть!

Эти мысли он не доверил бы посторонним.

Сымин посмотрел на спящего Чун Цзэ, подавляя волнение в душе.

Возможно, это был самый верный выбор в его жизни!

Чун Цзэ видел сон.

В нём не было ни сцен битв плечом к плечу с хозяевами, как в прежних снах, ни споров с другим оружием о том, кто достоин звания величайшего артефакта. Его сны начинались с Печи Всеобщности.

Печь Всеобщности — место рождения всего оружия Великого Мира Уша.

Скорее, это было море, а не печь.

Только вместо воды в нём плескалось бесчисленное множество видов оружия.

Если оружие-пара хотело завести потомство, им нужно было взять часть материалов от своих тел, в определённое время года прийти к Печи Всеобщности и ждать. В остальное время вода печи неустанно перетирала и сплавляла принесённые материалы, создавая изначальные модели оружия. В день рождения нового оружия пара должна была с помощью духовного сознания вытачивать детали на этой заготовке, помогая ей обрести разум.

А появится ли потомство — зависело только от судьбы.

Многие пары оружий веками ждали у Печи, так и не дождавшись потомства, а другие производили на свет несколько детей за раз. Никто не знал, почему вода печи наделяет оружие разумом; её нельзя было ни зачерпнуть, ни коснуться, никакие заклинания не действовали на неё, подобно тому, как не действовали на Пруд Перерождения — кладбище оружия. Только Печь Всеобщности ведала жизнью, а Пруд — смертью. Одна находилась на самом юге Великого Мира Уша, другой — на самом севере, и ни одно оружие не могло избежать их влияния.

Рождение каждого оружия было предопределено.

Такие «рождения» от пар были редкостью, большинство оружия не выбирало себе пару, а следовало за своим хозяином всю жизнь. После смерти хозяина, если не было желания искать нового, можно было отправиться в Пруд Перерождения и завершить своё существование. Однако каждый год в Печи Всеобщности рождалось не менее сотни единиц оружия.

Печь Всеобщности была необъятной, размером почти с целый малый мир. Там, где текла её вода, находилось множество материалов дляковки. Они сливались вместе, перетирались, и так рождался разум. После появления на свет за новым оружием приходили соответствующие «сородичи», чтобы забрать его.

Чун Цзэ был таким «диким» оружием, рождённым самой природой. Как и многие другие, он появился в Печи, и после того, как обрёл первые зачатки разума, его вынесло на край Печи, ждать сородичей.

Будучи копьём из одной из восемнадцати семей, Чун Цзэ не должен был ни о чём беспокоиться.

Но случилась проблема.

Чун Цзэ не мог принять человеческий облик.

Разум был, а формы — нет. В глазах других это означало «обычное железо». В Печи часто появлялось такое безмозглое железо, но такие предметы не считались частью Великого Мира Уша.

Глядя, как другие оружия, принявшие облик детей, разбираются радостными сородичами, Чун Цзэ одиноко лежал на песчаном берегу, и никто его не забирал.

Все проходили мимо маленького бесполезного копья, стараясь забрать «детей».

Чун Цзэ ждал и ждал, видя, как пары счастливо уносят своих отпрысков, как сородичи снова и снова проходят мимо, как забирают даже тех, кто родился намного позже него. Оставались лишь разрозненные куски «обычного железа».

Большинство оружия в Печи было невежественно и не умело общаться, а превращение в человеческих детей происходило инстинктивно. Чун Цзэ не знал, сколько лет он провёл в неведении, пока однажды внезапно не прозрел.

К тому времени, как он научился принимать человеческий облик, он уже был не ребёнком, а юношей.

Юношу Чун Цзэ сородичи, конечно, не могли забрать домой, решив, что он такой же помощник, пришедший за другими.

— Эй, из какого ты клана? Раньше тебя не видели?

Очередной год рождения. Бесчисленное оружие вновь хлынуло к Печи, привычно забирая детей.

Чун Цзэ, прекрасный юноша, тихо стоял у края печи, привлекая внимание. Кто-то не выдержал и подошёл спросить, чей это парень.

— Я? — Чун Цзэ посмотрел на оружие перед собой. Он узнал этого человека: за сто лет тот приходил восемьдесят три раза и столько же раз проходил мимо него, а однажды даже случайно наступил на его тело.

— Ха-ха, конечно ты, — улыбнулся тот. — Я здесь старожил, уже сотни лет забираю своих, кругом всё старые знакомые, а ты такой молодой, и тебя отправили на это дело — редкость. Как зовут, из какого ты клана?

Из какого клана?

Чун Цзэ вспомнил своё тело — кажется, он был копьём.

— Клан Копья, — ответил Чун Цзэ.

— О, почтенный род! — усмехнулся человек. — Ваш клан Копья силен, среди восемнадцати семей вы одни из лучших, не дайте клану Меча обойти вас.

— Мгм, — послушно кивнул Чун Цзэ, всё же это был первый, кто заговорил с ним.

— Кстати, как тебя зовут?

— Чжун...

— Чжун? — удивился тот. — Чжун как тяжесть? Понятно, значит, твоя фамилия Чжун, та самая, что означает важность и груз.

— Мгм, — Чун Цзэ просто согласился. Изначальное имя оружия всегда было записано в его памяти.

— Все в клане Копья такие послушные, как ты? — засмеялся человек. — Почему на каждый мой вопрос отвечаешь одним словом?

— Нет, не так, — испугался Чун Цзэ, что его разоблачат. Увидев, как блеснул свет в водах Печи, он не сдержался и произнёс своё имя целиком: — Моя фамилия Чжун, а имя — Цзэ. От «обителю у воды». Я — Чун Цзэ.

Чун Цзэ потёр лоб, настроение было скверным.

Столько лет прошло, почему он вдруг это вспомнил?

Открыв глаза, он увидел Сымина и Цзы Янь, которые сидели по обе стороны от него с озабоченным видом.

— Что-то случилось? — тихо спросил он.

— После обеда ваше испытание против «Мечей Совершенного Мира», — поспешно ответил Сымин.

— О, помню, осталось девять вызовов, — Чун Цзэ немного помолчал, повернулся к Цзы Янь и улыбнулся: — Найти столько людей — задача не из лёгких.

Цзы Янь знала, что её лицо сейчас выглядит ужасно, но вынуждена была ответить:

— Что вы, это всё благодаря наставлениям хозяина.

Чун Цзэ усмехнулся, ничего не ответив.

Подумаешь, претенденты, разве они могут что-то изменить?

Цзы Янь сама втайне сожалела: если бы она знала, что Сымин так легко проиграет, зачем было искать десятерых? Уровня Сымина хватило бы и пяти человек.

Но лекарства от сожалений не существует: люди Великого Мира Уша, приняв вызов, не могут отступить на полпути. Даже зная, что перед Чун Цзэ они продержатся лишь мгновение.

— Тогда давайте всех сразу, — Чун Цзэ потянулся. — Сражаться с каждым по отдельности слишком утомительно, пусть нападают все вместе, чтобы никто не сказал, что я их обижаю.

Цзы Янь и Сымин сохраняли спокойствие: ощутив на себе силу Чун Цзэ, они уже знали, что он действительно способен на это.

Тем временем дела у Юй Цюнцзю шли куда лучше.

Неизвестно, было ли это связано с тем, что он начал проявлять недюжинный талант, но те, кто ещё вчера его порочил, в одночасье притихли, сменив насмешки на похвалу и зависть.

Ощутить энергию ци за полчаса, ввести её в тело за день, достичь третьего слоя Утверждения Ци за месяц — такая скорость была достойна восхищения в любой секте любого мира. И это не говоря о том, что у него был такой завистный учитель.

У великого мастера — великий ученик.

Эта фраза заставляла многих, кто мечтал стать учеником Юнь Юцзы, испытывать смесь любви и ненависти, но они вынуждены были признать: окажись они на месте Юй Цюнцзю, вряд ли справились бы лучше.

За этот месяц Юй Цюнцзю увидел столько вещей, выходящих за рамки его понимания — того, чего он никогда не встречал в книгах. Всё в Секте Облачного Дзен открывало для него целый новый мир. Столкнувшись с таким потрясением, он не потерял лицо и не возгордился; напротив, он стал до неприличия смиренным, жадно впитывая знания. Вскоре он освоил азы мира культиваторов и больше ничем не напоминал простого деревенского парня.

Только сейчас Юй Цюнцзю осознал, что вступил на путь культиватора, который когда-то

презирал, будучи смертным. Этот путь оказался намного шире и глубже, чем он мог представить. Он стоил того, чтобы всю жизнь бороться за него и следовать за зовом Небесного Пути.

В то же время Юй Цюнцзю вспомнил, что именно бессмертный Чун Цзэ выбрал для него этот путь.

Возможно, из-за кольца, но ему всегда казалось, что бессмертный Чун Цзэ рядом, наблюдает за каждым его движением. Юй Цюнцзю старался стать лучше, надеясь, что бессмертный увидит в нём достойного ученика. Однако сейчас он сам же посмеялся над этой нереальной мыслью.

Если Чун Цзэ — бессмертный, значит, он занят спасением мира, спасением бесчисленных людей, страдающих, как и он когда-то. С чего бы ему тратить время на наблюдение за одним человеком?

И всё же, теперь, когда он стал учеником, не стоит ли ему поблагодарить Чун Цзэ?

Решение было принято быстро, но при мысли о реализации Юй Цюнцзю засомневался.

«С чего начать разговор? Нельзя же показаться бессмертному невоспитанным». Юй Цюнцзю ходил кругами, не в силах придумать слова. Это было похоже на трепет перед встречей с домом.

Честно говоря, он ни разу не пытался связаться с Чун Цзэ, не знал, что тот любит или ненавидит. Возможно, бессмертный даже не знал, кто он такой?

В сердце Юй Цюнцзю Чун Цзэ был тем, кто спас его в момент гибели, тем, кто похоронил односельчан, кто указал новый путь и подарил новую жизнь. Такого человека нельзя было назвать просто спасителем.

Юношеская влюблённость — обычное дело.

За свои четырнадцать лет, кроме матери, его взгляд редко останавливался на других девушках. Юй Цюнцзю долгое время считал, что если не можешь обеспечить любимому человеку счастье, нечего и пытаться. Как с его матерью: случайная связь привела к его рождению, но этот так называемый отец не заботился о них и не признавал. Если разобраться, его отец не был виноват в самой связи, но даже если бы он просто дал денег и отправил мать прочь, это было бы лучше, чем ради лица запереть её в семейном склепе.

Однако, встретив Чун Цзэ, Юй Цюнцзю вдруг понял смысл книжных метафор о «ворочании с боку на бок в тоске по любимому».

Когда всё твоё внимание сосредоточено на одном человеке, любые трудности перестают быть таковыми.

Что касается пола — это казалось менее важным, чем пропасть между бессмертным и смертным.

Юй Цюнцзю не мог признаться, что испытывает такие чувства к своему спасителю, а оказавшись в Секте Облачного Дзен, не мог просить совета у других. Приходилось терзаться в одиночку.

Он просидел в своей пещере семь дней, и когда вышел, его уровень достиг четвёртого слоя

Утверждения Ци.

Все решили, что он усердно культивировал, и лишь удивлялись. Никто не знал, что Юй Цюнцзю просто принял решение, обрёл душевное спокойствие, и мастерство выросло само собой.

Сжимая кольцо, Юй Цюнцзю сделал несколько глубоких вдохов, выпил глоток духовного вина и тихо прошептал:

— Бессмертный... вы здесь?

Чун Цзэ, только что отбивший мечом атаку слева, невольно замедлил движения, услышав духовную передачу Юй Цюнцзю.

— Юй Цюнцзю?

— Да, это я! — радостно воскликнул тот. — Бессмертный, вы помните меня?

— Конечно, — ответил Чун Цзэ, попутно сделав финт, превратив руку в подобие клинка, и нанёс сокрушительный удар по другому мечу, одновременно парируя остальные атаки.

Сейчас Чун Цзэ, как и обещал, в одиночку сдерживал натиск девяти претендентов.

Но даже это нападение не стоило его внимания. Однако, помня о последствиях, Чун Цзэ вынужден был поддаваться, стараясь не выглядеть слишком ошеломляюще.

<http://bllate.org/book/21933/2278793>